

Пролог

Два величайших тирана
на земле: случай и время.

И. Гергер

Подмосковье. 19 сентября 2020 года

— Михаил Евграфович, вам надо посмотреть эти графики.

Ведущий научный сотрудник отдела статистической темпористики организации, именуемой «Проект „Вектор“», профессор Надеждин уставился на подбежавшего к нему, запыхавшегося оператора систем наблюдения и контроля ветвей исторического дерева лейтенанта Головоножко.

— Так, Лёня, отдышись, запыхался, как паровоз на сорокаградусном подъеме. «Ракету»¹ Стефенсона наблюдал? Один в один с ним дышишь. Пошли ко мне, нечего тут на коридоре волну гнать, покажешь и расскажешь.

Когда они зашли в кабинет профессора, тот рухнул в свое кресло и активировал монитор ноутбука. После того как удачно прошла засылка хроноагента Андрея Толоконникова в конец 1939 года², в результате чего от

¹ «Ракета» — самый известный паровоз Джорджа Стефенсона, созданный в 1833 году (его первый локомотив «Блохер» был создан намного ранее, в 1814 году, назван в честь победителя Наполеона). Надо признать, что сорокаградусный подъем для этого паровоза был бы непреодолимым препятствием.

² См. серию «Проект „Вектор“» Влада Тарханова.

древа мира отпочковалась новая стабильная реальность, в проект наконец-то стали вливать очень приличные средства. Это позволило не только дополнительно набрать новый персонал, но и приобрести самое современное оборудование. И одновременно ужесточить и без того драконовские меры по обеспечению секретности и дезинформации партнёров и коллег различного масштаба, а прощ говоря, потенциальных противников.

— Показывай!

— Вот они, Михаил Евграфович. Эта наша новая стабильная реальность, РИ-43, но она не настолько устойчивая, как предполагалось согласно расчетам. Смотрите, мы наблюдаем там отпочковывание как минимум трех ветвей, которые можно считать относительно перспективными. По нашим прикидкам, можно туда перебрасывать хрономатрицы, но в точку, которая ниже декабря 1939 года. И это позволит добиться серьезного уменьшения энергозатрат по сравнению с пересылкой хрономатрицы в нашу стволую часть реальности.

— Леонид Макарович, разве это не подтверждает наши теоретические выкладки? Что тут неправильного. Стоп! А вот это что за фигня? Что это за флуктуации, Лёня? Это из-за них ты меня решил взять за жабры?

Доктору наук профессору Надеждину недавно исполнилось тридцать восемь лет, из молодых дарований, мало кому удавалось защитить докторскую в двадцать пять, да еще и минуя кандидатскую. Из-за своего характера учёный удачно избежал тлетворного влияния «общечеловеков» и прочей либерастической отравы. В его речи молодежный сленг присутствовал порой в очень неприличных количествах, но не слишком скромный гений, делавший в уме сложнейшие расчёты, всегда отличался некоторой экстравагантностью, и даже на грани сороковника эта оригинальность никуда не делась, а стала еще более ярко выраженной.

— Так точно, товарищ ведущий научный сотрудник. Это энергетические выбросы. Пока что мы зафиксировали их пять штук всего. Амплитуда — умеренная. Я бы даже сказал, что весьма слабенькая, но как-то тревожно.

— Есть корреляция между флуктуациями энергии и образованием в РИ-43 новых стабильностей? — профессор застучал по клавишам.

— Образований новых стабильностей — три штуки, выбросов энергии — пять штук. Совпадение с образованием в двух случаях: первом и третьем. Я тут никакой зависимости не вижу.

— Не обижайся, Леонид, то, что ты не видишь, не означает, что этой взаимосвязи нет. Надо просчитать. Очень надо... В общем, звоню Михайловичу, пусть шеф объявляет аврал! Хорошо, спасибо, Лёня, сейчас организую мозговой штурм проблемы.

— Извините, Михаил Евграфович, а не получится так, что мы тут черную дырочку организуем? Коллайдер не потянул, так вроде мы сподобимся...

Лейтенант выглядел слишком уж струхнувшим.

— Не бойсь, вояка! Пока что ни по какой теории черной дырой не пахнет, от слова совсем... Но вот что день грядущий нам готовит, этого я тебе сказать достоверно не смогу! Считать надо.

— А можно я в ваш штурм свой плевочек внесу? — неожиданно осмелел Головоножка.

— Ну, внеси, — почти без эмоций отозвался профессор, увлеченно что-то просчитывая в открытом математическом приложении.

— А если это *оттуда* пытаются пробиться к нам *сюда*? А?..

— Лёня, плиз, иди, работай, я твою версию учту, посмотрим, что покажут расчеты. Надо попросить время у супера, вне очереди... Извини, мне надо заявку срочно бросить! И ещё, Лёня, отслеживай всплески и проверь,

что там с микрофлуктуациями, какая по ним статистика? Разрешение аппаратуры позволяет их уловить?

— Позволяет. Сделаем, Михаил Евграфович, главное, что это не черная дырочка... остальное не так страшно...

Когда лейтенант покинул кабинет профессора, тот по селектору вызвал сотрудников на срочное совещание и грустно заметил:

— Лёня, Лёня, мы ведь сами не знаем, на что способно время, может быть, окажется, что чёрная микродырочка будет за благо!

* * *

Одно слово от авторитарного коллектива: все даты в произведении даны по новому стилю, дабы уменьшить количество скобок в тексте и упростить его восприятие.

Второе слово из того же первоисточника: события, герои, их отношения и соотношения вымышлены и с реальными фигурами-однофамильцами никаких точек соприкосновения не имеют.

Оба слова касаются всех книг серии.

Часть первая ТЕОРИЯ ОЧЕНЬ БОЛЬШОГО ВЗРЫВА

Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки.

А. Гафуров

Глава первая УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Учитель, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться.

Б. Левин — Е. Винокуров¹

Подмосковье. 12 октября 2020 года

Коняев

За окном — золотая осень. То время, когда на дворе еще не прелюдия зимы, а воспоминание об уходящем лете, когда листва на кустах и деревьях не осыпалась грязно-серыми комками на землю, а трепещет золотом и багрянцем. Мое любимое время года. Я точно знаю, до зимы не дотяну, ну, тут уж извините, мне девяносто два года, пожил уже. Никаких сантиментов и сожалений. Есть такая болезнь, которую наука пока лечить не научилась, она называется старость. Меня зовут Михаил Николаевич Коняев. По профессии историк, академик еще доперестроечных времен. С гордостью могу сказать, что меня считали самым скандальным

¹ Эти строки из стихотворения поэта Бориса Левина, который немного перефразировал Евгения Винокурова, у которого первым словом в фразе идет слово «художник», а не учитель.

историком времен Советского Союза. Не без оснований меня называют последним академиком из СССР: я был избран членкором буквально накануне распада страны. Скандальным я был по той причине, что слишком мало ссылался на классиков марксизма-ленинизма, впрочем, для конца восьмидесятых это было не столь критично, даже несколько поощрялось. Мои работы были посвящены состоянию сельского хозяйства в России в период с конца шестнадцатого и до начала двадцатого века. Учитывая, что от наличия продуктов питания зависит безопасность государства, я и разбирал не только уровни урожайности, но и политические и экономические аспекты жизни страны, от сельского хозяйства зависящие. Классовый подход? Да нет, не это было главным, кстати, я считал, что роль личности в истории советскими учеными слишком недооценена в силу давления классовой теории, которая в нашей истории как-то не работает так, как представляли себе классики марксизма. За иммунитет ко всяким «измам» я был сначала бит, потом обласкан, затем отправлен на синекуру: будучи пенсионного возраста получил кафедру истории земельных реформ в России. Пустое место. И кафедра. И реформы. Семь монографий, плюс три в составе колллектива авторов. Шестнадцать кандидатов и три доктора исторических наук. Заслуги есть. С кем я был знаком, кого я консультировал, рассказывать не буду. Сами видите, что у нас происходит, поэтому зачем говорить о том, что так и не получилось реализовать? Извините, мне надо поговорить с одним человеком:

— Евгений Викторович, что вы мне ответите? Я понимаю, это нарушение режимности объекта и всё такое прочее...

По глазам куратора вижу, что последняя моя фраза ему активно не понравилась.

— Михаил Николаевич, вы должны понять, что режим есть режим...

— Евгений Викторович! Для меня это очень важно. Понимаете, это реализация всех моих планов, развитие идей, которые так и не были признаны научным сообществом в мое время. Я должен знать все подробности.

Вижу, что не могу пробить эту глухую защиту...

— Да вы поймите, товарищ майор, после этого разговора я могу идти за черту с чистой совестью, меня тут уже ничто не будет удерживать.

Кажется, до него дошло...

— Вы понимаете, что я беру на себя такую ответственность...

— Вы только скажите, где мы сможем спокойно поговорить? В обществе вашего сотрудника, конечно, ничего секретного я не выдам, но пусть человек присутствует.

— Ладно, уговорили. Когда?

— Завтра. В шестнадцать ровно. Это будет после защиты. Сейчас ресторан с пьяными учеными не приветствуется к радости соискателя, который может немного сэкономить (из-за эпидемии), чувствуют небольшим фуршетом прямо на месте события. Так что в шестнадцать он будет тут, ну, где скажете.

Конюхов

Звонок Учителя прозвучал неожиданно накануне защиты. В последнее время я сильно нервничал, а мой мэтр был фактически вне игры — снова стало сдавать сердце, и его положили в какую-то новомодную клинику за городской чертой. Правда, необходимые для защиты диссертации документы он подписать успел. А вот присутствовать на защите — нет. Вы знаете, что при защите докторской диссертации научного руководителя у диссертанта нет, его роль исполняет консультант, каким для меня и был академик Михаил Николаевич Коняев. Меня зовут Александр Михайлович Конюхов, я знаком со своим Учителем

еще со студенческой скамьи. Мне сейчас шестьдесят два, две недели назад как отметил в узком кругу это грустное событие. Михаил Николаевич читал нам курс лекций по вопросам земельных отношений в дореволюционной России, разбирая особенно подробно причины провала любых реформ в этой области. Единственными эффективными преобразованиями в земельных отношениях оказались предвоенные реформы большевиков. В аспирантуру я поступил сразу после окончания военной службы. Была возможность «откосить» от армии, такая дурацкая штука, как совесть, не позволила. Прошел Афганистан. Была возможность «откосить» и от поездки в эту «дружественную» страну. Та же самая штука, о которой я говорил ранее, не позволила. Остался на сверхсрочную, застал вывод наших войск, прикрывал отход нашей дивизии в составе роты спецназа. Два легких ранения. Наград не получил. Как говорил наш замполит, из-за своего длинного языка. Язык мой — враг мой, да, это как раз про меня. А потом была защита кандидатской диссертации. Я выбрал очень скандальную тему, если бы не перестройка и не Афган за моей спиной, то не защитился бы. Тема кандидатской звучала так: «Скрытые механизмы Октябрьского переворота. Роль офицеров Генштаба в подготовке и проведении вооруженного захвата власти партией большевиков». Моим оппонентом был академик Коняев. Его отзыв был самым благожелательным, хотя главу о причинах Октября он раскритиковал. А после защиты (я проскочил впритирку, буквально один голос «за» стал решающим, набрал неписанный минимум в две трети) мы с Михаилом Николаевичем стали общаться намного чаще. Мне тогда было тридцать шесть. И больше четверти века шёл к своей докторской под чутким руководством Коняева. Про нас шутили: «и на нашего Коня нашелся свой Конюх»... На шутки я не обижаюсь, но за оскорбления сразу бью в рыло, при-

вычка такая после Афгана осталась... Личная жизнь? Да не сложилась как-то. У меня было два легких ранения, но оба в голову, скорее всего, недолеченная контузия. Иногда у меня случались припадки, что-то вроде эпилептических, только без судорог. Иногда терял сознание и падал, из-за этого мне отказали в правах на вождение автомобиля. Двести, совершенно не лишние для меня, баксов исправили ситуацию. Теперь я за рулём. Чувствую приближение приступа за несколько минут и успеваю присесть или припарковаться. Знаете, интересное чувство: мгновенно наступает темнота, а ты видишь над своей упавшей тушкой и наблюдаешь за собой вроде как со стороны. Потом кто-то лупит тельце по щекам или суёт под нос какую-то вонючку, обычно этого достаточно для того, чтобы вернуться. Такие вот галюники, получается... Беру в руки уже переплетенную рукопись. «Реформы Александра II и контрреформы Александра III». Ну что, завтра в бой! «И вечный бой, покой нам только снится...»¹

Подмосковье. 13 октября 2021 года

Полковников

— Женя, объясни мне, тёмному человеку, какого?

Вопрос тяжелой скалой повис в воздухе, готовясь размазать оппонента по паркету... Почему-то выпускающий (так теперь называлась должность Николая Степановича Полковникова, оставшегося одной из ключевых фигур проекта «Вектор») терпеть не мог эти новомодные покрытия, а в своем кабинете оставил паркет еще советских времен, который аккуратно отреставрировали, покрыли лаком, дали ему новую жизнь и оттенили весьма красивую фактуру, присущую только натуральной древесине.

¹ Блок А. На поле Куликовом.

— Николай Степанович! Я взял на себя ответственность, вы же знаете, как психолог я отвечаю за готовность хроноагента к транспортировке.

— А я думаю, что вы, Евгений Викторович, проявили вопиющую безответственность. Возраст агента, состояние его здоровья, это вы учли? Если уже так надо было организовать эту встречу, так почему не на базе? Тут до реанимации из любой точки — три минуты и аппаратуру можно запустить за пять минут! А что у нас? За сколько вы гарантируете доставку агента на точку старта?

— Десять минут, максимум!

— Целых десять минут, дол...б! — Не выдержал полковник, распекая подчиненного, он добавил к последнему слову еще две связки самых разносторонних эпитетов, из которых психолог проекта почерпнул много нового и о себе, и о своей физиологии, и о сексуальных предпочтениях не только своих, но и родителей заодно. Вообще-то Полковников (который полковник одновременно) был человеком крайне сдержанным и хладнокровным. Для него такие вспышки гнева были не характерны, он срывался на мат всего три-четыре раза, и этот случай стал пятым за всю его жизнь!

Евгений Викторович Сипягин сначала покраснел, потом побледнел, а потом стал бордовым, как отварная свекла в украинском борще.

— Я бы вас попросил, Николай Степанович! Я бы вас очень попросил...

— Так... рапорт мне на стол! Резво! Шевели лапками, б... Когда должна быть эта встреча?

— С минуты на минуту!

— Что? А с академиком сейчас кто?

Тут побледнел уже полковник, чувство приближающегося северного зверька сдавило ему грудь.

— Так это, Мариночка... Она всегда профессора выкатывает на прогулку, и я еще, так вы меня вызвали.

— Он еще не укатил? — полковник раздраженно забарабанил костяшками пальцев по дубовой столешнице.

— Никак нет, когда я к вам шёл, Ведерникова уже спускала агента к выходу. Думаю, они уже на месте...

— Отставить рапорт! Молнией к академику, и если с ним что-то случится, то ты будешь первым, кто покинет «Проект» не по собственному желанию. Ясно?

— Так точно, — почему-то по-военному ляпнул психолог и помчался по коридору к служебному лифту.

«Только бы пронесло, только бы с академиком ничего не случилось!» — думал выпускающий. После первого успеха была череда неудач, вызванная не слишком удачным материалом. Удалось установить, что психологическая готовность умереть (не путать с навязчивым стремлением к самоубийству) стала главным условием успеха переброса хроноагента в прошлое. При этом еще имел значение и багаж знаний, которые были необходимы агенту, ведь никаких материальных вещей в иную реальность забрать с собой невозможно. Только знания, опыт, навыки, рефлексy. В этом плане Коняев оказался очень удачным приобретением. Он был дважды женат и благополучно пережил своих супружниц, имел двух сыновей (от разных жен), оба с середины девяностых переместились за пределы Отечества. А Михаил Николаевич никуда переезжать не собирался, хотя его и приглашали. Хотел умереть на родной земле. Обычная стариковская прихоть, которую надо было уважать. А его гигантский жизненный опыт! А знание той эпохи, в которую собираются послать хроноагента! Это же сам Всевышний дал нам такой шанс, и не дай бог, чтобы с академиком что-то произошло! Удивительное дело — этот человеческий мозг! Казалось бы, девяносто два года, маразм стоит на пороге! Так нет — никаких признаков деменции нет и в помине! Светлый ум, отличная память, причем никакого склероза! А что вы хотите, если свою последнюю монографию Коняев отдал в издательство всего год